

Жил-был художник один

Анна Хрусталева

Королева Ирина

Лев Данилкин. «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой». — М. : Альпина нон-фикшн, 2025

Директора музея изобразительных искусств им. Пушкина Ирину Антонову часто сравнивали с английской королевой Елизаветой II. И дело не только в нитке жемчуга, облаке белоснежных волос и сдержанной приветливости, в которой явственно сквозил перезвон ледяных кристаллов. В обеих пылал холодный внутренний огонь такой силы, что сопротивляться ему было бессмысленно – да и небезопасно. Обе, несмотря на очевидные внешние противовесы, сумели стать истинными правительницами своих царств-государств, чьи решения не обсуждались, как бы оно ни выглядело со стороны. Однако удивительный факт: про королеву Британии мы знаем куда больше, чем про царицу ГМИИ. Но вот пришел Лев Данилкин – и все исправил.

Биографии Льва Данилкина (Гагарин, Ленин, Проханов) не имеют ничего общего с каноническими «бронзовыми» линейными жизнеописаниями. Его взгляд на героя всегда уважительно противоречив, но ни разу не комплементарен. Примет ли его книгу о легендарном директоре Пушкинский музей? Время покажет, но, скорее всего, нет. Приняла бы ее сама Антонова? А вот это уже вопрос вопросов. Увидев свое литературное отражение, она с равным успехом могла бы прийти в ярость (и никогда не проявив ее публично, сделать так, чтобы автору мало не показалось), а могла напротив, восхитится смелостью, парадоксальностью и остроумием биографа. Второе вернее...

Чтобы описать «голливудскую, в сущности, биографию» Ирины Александровны Антоновой, Данилкин выбирает 38 шедевров: от классиков Леонардо да Винчи, Рафаэля, Боттичелли, Тициана, Тинторетто, Микеланджело, Вермеера, Клода Лоррена (перед его «Пейзажем с Ацисом и Галатеей» Достоевский умывался слезами восторга, а менее чем через столетие рыдал уже весь Пушкинский, возвращая «трофейную» картину на ПМЖ в Дрезден) до сюрреалистов Ганса Грундига и Поля Дельво. Все они волей героини в разное время побывали в стенах Пушкинского. Каждая картина или скульптура – метафора того или иного этапа ее судьбы: детства в Берлине времен Ремарка и Брехта («немкой» она так и не стала, избрав своим «амантом» Италию, но однажды не пожалеет десятилетия на подготовку выставки «Москва – Берлин»); юности, проведенной на искусствоведческом

отделении филфака ИФЛИ - Института философии, литературы и истории, а параллельно – медсестрой в военных госпиталях; молодости и зрелости, отданной строительству музея, чья слава ее энергией и волей сравнялась с репутацией Эрмитажа, а подчас – и Лувра.

Она не была святой – отнюдь. Жесткая и непреклонная, как боярыня Морозова, амбициозная «владычица морская», не без склонности к высокопробному авантюризму, а когда требовалось – по-иезуитски гибкая, Ирина Александровна Антонова со временем сама стала бесценным и единственным в своем роде «шедевром Пушкинского», «осью» и воплощением его, казалось бы, необъяснимой магии. «Палаццо Мадамы» при всей своей ироничности (а для кого-то – спорности) ровно об этом...

Мечтатель Нико

Валериан Маркаров. «Легенда о Пиросмани». — М. : РИПОЛ классик, 2025

И снова биография, но теперь уже совсем иная – художественная, романтическая и романтическая, с домыслами и вымыслами. Наверное, говорить о самом, пожалуй, знаменитом грузинском художнике Нико Пиросмани только так и нужно, ведь он сам как сплошной знак вопроса: *«истории, которые о нем рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть»*, даже годы его жизни в точности неизвестны.

Для создания образа мечтателя Нико, воспевшего свою землю и ее народ как никто, автор выбирает форму сказа – свободную, просторечную, наивную, подобную живописной манере самого Пиросмани. По-детски схематично, но красочно описывает его первые годы в кахетинском селе Мирзаани (*«Эх, вот было бы хорошо, если бы каждая лоза была размером вон с тот тополь. Тогда бы соком от трех ее гроздей можно было бы наполнить большой квеври»*). Юность в семье великодушных благодетелей Калантаровых - то ли грузинских армян, то ли армянских грузин, не сердившихся на приемыша за то, что тот бесконечно разрисовывает все мыслимые и немыслимые поверхности в их богатом доме. Последующие десятилетия, до краев наполненные лишениями, одиночеством, паровозными гудками (одно время Пиросмани не слишком успешно служил тормозным кондуктором товарных вагонов на станции Михайловская)... и неутолимой жаждой творить.

Подлинных фактов о жизни художника – кот наплакал, но воскресить современный ему Тифлис - с его петлистыми улочками, звенящими от беспрестанных окриков и восклицаний дворами, лавками ремесленников, винными погребками, храмами, парками и площадями – и сегодня под силу, и писатель этой возможностью не пренебрегает, посвящая древнему городу десятки цветистых страниц. А еще находит способ вплести и зарифмовать с жизнеописанием Пиросмани фрагменты биографии другого великого творца – Шота Руставели с его безответной любовью к царице Тамар.

История сохранила не так уж много имен художников, познавших счастье при жизни. Пиросмани – не исключение. Из почти двух тысяч его работ до нас дошло не более трехсот. Не уцелело ни одной стенной росписи. Он не был на открытии своей выставки в Лувре в 1969-м, не видел портрета, написанного влюбленным в его кисть Пабло Пикассо. Не мог предположить, что его картина «Арсенальная гора ночью» станет самым дорогим лотом «русских торгов», проведенных в британской столице аукционным домом Christie's в 2015 году, где ее купят за 1 832 000 долларов. Но, если верить «Легенде о Пиросмани» Валериана Маркарова, художник, если и не знал, то чувствовал о себе куда больше...

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК

АННА ХРУСТАЛЕВА —
литератор, книжный
обозреватель, автор
в онлайн-медиа
Perspectum и редактор
телеграм-канала
Perspectum

КОРОЛЕВА ИРИНА

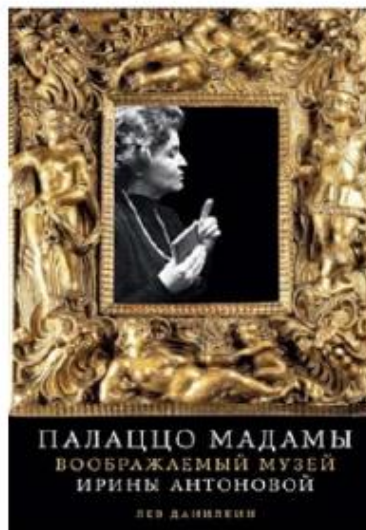
Лев Данилкин. «Палаццо Мадамы:
Воображаемый музей Ирины Антоновой».

М.: Альпина нон-фикшн, 2025

Директора музея изобразительных искусств им. Пушкина Ирину Антонову часто сравнивали с английской королевой Елизаветой II. И дело не только в нитке жемчуга, облаке белоснежных волос и сдержанной приветливости, в которой явственно сквозил перезвон ледяных кристаллов. В обеих пылал холодный внутренний огонь такой силы, что сопротивляться ему было бессмысленно, да и небезопасно. Обе, несмотря на очевидные внешние противоресы, сумели стать истинными правительницами своих царств-государств, чьи решения не обсуждались, как бы оно ни выглядело со стороны. Однако удивительный факт: про королеву Британии мы знаем куда больше, чем про царицу ГМИИ. Но вот пришел Лев Данилкин — и все исправил.

Биографии Льва Данилкина (Гагарин, Ленин, Проханов) не имеют ничего общего с каноническими «бронзовыми» линейными жизнеописаниями. Его взгляд на героя всегда уважительно противоречив, но ни разу не комплиментарен. Присмет ли его книгу о легендарном директоре Пушкинский музей? Время покажет, но, скорее всего, нет. Приняла бы ее сама Антонова? А вот это уже вопрос вопросов. Увидев свое литературное отражение, она с равным успехом могла бы прийти в ярость (и никогда не проявив ее публично, сделать так, чтобы автору мало не показалось), а могла, напротив, восхититься смелостью, парадоксальностью и остроумием биографа. Второе вернее...

Чтобы описать «голливудскую, в сущности, биографию» Ирины Александровны, Данилкин выбирает 38 шедевров: от классиков Леонардо

да Винчи, Вермеера, Клода Лоррена (перед его «Пейзажем с Ацисом и Галатеей» Достоевский умывался слезами восторга, а менее чем через столетие рыдал уже весь Пушкинский, возвращая трофейную картину на ПМЖ в Дрезден) до сюрреалистов Ганса Грундига и Поля Дельво. Все они волей героини в разное время побывали в стенах Пушкинского. Каждая картина или скульптура — метафора того или иного этапа ее судьбы: детства в Берлине времен Ремарка и Брехта («немкой» она так и не стала, избрав своим «амантом» Италию, но однажды не пожалеет десятилетия на подготовку выставки «Москва — Берлин»); юности, проведенной на искусствоведческом отделении филфака ИФЛИ — Института философии, литературы и истории, а параллельно — медсестрой

в военных госпиталях; молодости и зрелости, отданной строительству музея, чья слава ее энергией и волей сравнялась с репутацией Эрмитажа, а подчас и Лувра.

Она не была святой, отнюдь. Жесткая и непреклонная, как боярыня Морозова, амбициозная «владычица морская», не без склонности к высокопробному авантюризму, а когда требовалось — поиезуитски гибкая, Ирина Александровна Антонова со временем сама стала бесценным и единственным в своем роде шедевром Пушкинского, осью и воплощением его, казалось бы, необъяснимой магии. «Палаццо Мадамы» при всей своей ироничности (а для кого-то — спорности) ровно об этом.

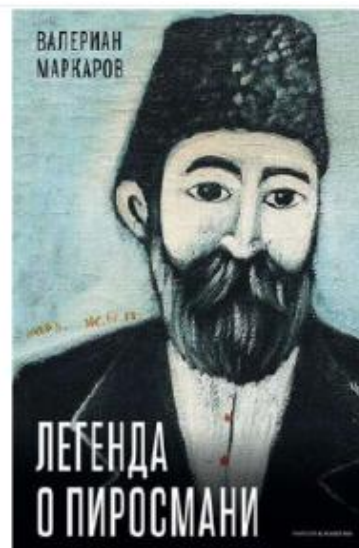
МЕЧТАТЕЛЬ НИКО

Валериан Маркаров. «Легенда о Пиросмани».

М.: РИПОЛ классик, 2025

И снова биография, но теперь уже совсем иная — художественная, романическая и романтическая, с домыслами и вымыслами. Наверное, говорить о самом, пожалуй, знаменитом грузинском художнике Нико Пиросмани только так и нужно, ведь он сам как сплошной знак вопроса: «истории, которые о нем рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть», даже годы его жизни в точности неизвестны.

Для создания образа мечтателя Нико, воспевшего свои землю и народ, как никто, автор выбирает форму сказа — свободную, просторечную, наивную, подобную живописной манере самого Пиросмани. По-детски схематично, но красочно описывает его первые годы в кахетинском селе Мирзаани («Эх, вот было бы хорошо, если бы каждая лоза была размером вон с тот тополь. Тогда бы соком от трех ее гроздей можно было бы наполнить большой кеври»). Юность в семье великодушных благодетелей Калантаровых — то ли грузинских армян, то ли армянских грузин, не сердившихся на приемьша за то, что тот бесконечно разрисовывает все мыслимые и немыслимые поверхности в их богатом доме. Последующие десятилетия, до краев наполненные лишениями, одиночеством, паровозными гудками (одно время Пиросмани не слишком успешно служил тормозным кондуктором товарных вагонов на станции Михайловской) ... и неутолимой жадой творить.

Подлинных фактов о жизни художника кот наплакал, но воскресить современный ему Тифлис — с его петлистыми улочками, звенящими от беспрестанных окриков и восклицаний дворами, лавками ремесленников, винными погребами, храмами, парками и площадями — и сегодня под силу. Писатель этой возможностью не пренебрегает, посвящая древнему городу десятки цветистых страниц. А еще находит способ вилести и зарифмовать с жизнеописанием Пиросмани фрагменты биографии другого великого творца — Шота Руставели с его безответной любовью к царице Тамар.

История сохранила не так уж много имен художников, познавших счастье при жизни. Пиросмани не исключение. Из почти двух тысяч его работ до нас дошло не более 300. Не уцелело ни одной стеной росписи. Он не был на открытии своей выставки в Лувре в 1969-м, не видел портрета, написанного влюбленным в его кисть Пабло Пикассо. Не мог предположить, что его картина «Арсенальная гора ночью» станет самым дорогим лотом «русских торгов», проведенных в британской столице аукционным домом «Кристис» в 2015 году, где ее купят за 1 832 000 долларов. Но, если верить «Легенде о Пиросмани» Валериана Маркарова, художник, если и не знал, то чувствовал о себе куда больше. **ЧМ**